

Уже стемнело. После долгого разговора с Хокаге, во время которого тот не только рассказал ему о будущем, но и начали вместе планировать, как должны развиваться события, Итачи наконец добрался до дома.

Он задавался вопросом, сможет ли он когда-нибудь снова есть в кругу семьи.

Не помогало и то, что недавно он стал центром внимания не только своей ближайшей семьи, но и всего клана Учиха. В конце концов, не каждый день пятилетний ребенок активизирует свой Шаринган.

Конечно, Идзуми тоже активировала свой Шаринган, когда стала свидетелем смерти отца во время нападения Девятихвостого Лиса, но большинство членов клана с радостью игнорировали ее из-за статуса полукровки. Итачи быстро отбросил мысли об Идзуми: эта тема была ему пока не по душе.

Причина, по которой он рассказал отцу и, соответственно, остальным членам семьи и клана, что активировал Шаринган, была проста: он был взрослым в теле ребенка. Он всегда был довольно взрослым и вел себя не так, как другие дети его возраста - ужасы войны в четырехлетнем возрасте сделали свое дело, - но это было далеко не то, чем он стал, повзрослев. Как бы легко ему ни удавалось обмануть большинство людей, которые просто пожимали плечами и говорили, что такое поведение вполне ожидаемо от вундеркинда, люди, хорошо его знавшие, замечали, что в нем что-то изменилось.

С другой стороны, ожидалось, что пробуждение Шарингана изменит человека. В его клане это было общеизвестно. Его и без того зрелый характер в сочетании с пробуждением глаз и небольшим актерским мастерством должны были одурачить даже его родителей.

"Оту-сан, Окаа-сан, я дома", - позвал он, проходя через вход и снимая обувь.

Через несколько секунд в дверях, ведущих в гостиную, стояла его мать и улыбалась ему. Она была красивой женщиной, особенно сейчас, когда она была почти на десять лет моложе, чем в последний раз, когда он ее видел.

"Добро пожаловать домой, Итачи. Ты как раз успел к ужину". Затем она нахмурилась. "Ты выглядишь изможденным, больше, чем обычно. Опять переусердствовал с тренировками? Я же просила тебя не напрягаться. И вообще, мы с отцом просили тебя не тренироваться с новыми глазами, потому что ты еще только привыкаешь к ним".

Должно быть, он выглядел хуже, чем думал, если его мать это заметила. Что ж, по крайней мере, ее предположение о том, что он тренирует свой Шаринган, вполне соответствует тому оправданию, которое он приготовил.

"Прости, Окаа-сан, я больше не буду так делать. Обещаю".

Окаа-сан посмотрела на него, словно решая, верить ему или нет, но потом вздохнула и согласилась. "Хорошо, иди вымой руки, а потом иди к столу. Твой отец на кухне вместе с Саске. Ты знаешь что наш отец не очень ладит с детьми. Пойди и помоги ему, ладно?"

Итачи не мог не улыбнуться. Было очень забавно наблюдать за тем, как отец пытается справиться с Саске, ведь он, похоже, никогда не умел его держать в своих руках. Было очень грустно, что он не помнит этого из своей прошлой жизни. Кроме того, ему стало интересно, какие еще детали он забыл.

Итачи коротко поблагодарил ее и отправился дальше. Вскоре он сидел перед отцом, взяв у него Саске и усадив его к себе на колени. Он был поражен тем, как Саске повлиял на него: до приезда домой он нервничал и был неуверен в себе, но стоило ему взять Саске на руки, как он почувствовал, что все в порядке.

Из размышлений его вывел строгий голос отца. "Итачи, я правильно понял, что ты тренировался со своим Шаринганом без присмотра? Такое безответственное поведение тебе не свойственно".

Что ж, подумал он, вот оно и началось. Не то чтобы он не ожидал, что эта тема всплывет. Не после того, как мать мгновенно заметила его изможденное состояние. Если она так легко это заметила, значит, и отец тоже.

Он кивнул. "Да, и мне очень жаль. Я знаю, что ты запрещаешь мне тренироваться с ними самостоятельно, но я хотел проверить свои силы, а вы с матерью были так заняты последние несколько дней, и я решил пойти сам. Больше я так делать не буду".

Отец никак не отреагировал на это и не выдал ничего, что могло бы подсказать Итачи, о чем он думает. Впрочем, это не было проблемой - он знал отца достаточно долго, чтобы догадаться о его мыслях. "И как все прошло?"

Как он и ожидал. В то время как первой реакцией матери могло быть беспокойство, что он переусердствовал и навредил себе, отца больше интересовали результаты его тренировок.

Он интересовался его здоровьем или ограничивал его свободу только при наличии признаков серьезных травм. Выглядеть изможденным не было достаточной причиной для этого, даже если он проигнорировал его прямой приказ. "Все прошло хорошо. Я ожидал повышенного расхода чакры и был готов к этому. Единственная проблема, которую я заметил, - это то, что я все еще слишком медлителен. Мое тело не может реагировать достаточно быстро, чтобы действовать в соответствии с информацией, которую дают мне глаза".

Как же ему было неприятно признаваться в этом. Может, он и не слишком гордился своими способностями, но все же привык к ним. Невозможность использовать глаза в полную силу была для него, честно говоря, позором.

По крайней мере, его зрение было таким же хорошим, как в детстве, и не таким ужасным, как незадолго до смерти.

"Что ж, - хмыкнул отец, - это не слишком неожиданно. Ты пробудил свой шаринган со всеми тремя томоэ в обоих глазах, - в его голосе слышалась гордость, - а это значит, что твое усиленное восприятие уже достигло своего максимума. Было бы удивительно, если бы вы не сбились со времени". Он сделал паузу и на мгновение погрузился в раздумья, прежде чем продолжить. "Завтра, после того как я выполню все свои обязанности, мы будем тренироваться вместе. Ты - наследник клана, поэтому тебе нужно как можно скорее овладеть нашим Кеккей Генкаем".

Он только кивнул. Это была уже вторая совместная тренировка в этой временной шкале, и, хотя она не слишком понравилась ему, это помогло бы ему быстрее освоить свое новое (или старое?) тело. Кроме того, было удивительно приятно провести время с отцом, пока он не стал настолько одержим своими планами по повышению авторитета клана в деревне.

На этом разговор прекратился, а вскоре пришла мать с едой. Пока родители коротали время за разговорами, он сосредоточился на еде и на том, чтобы накормить Саске.

Эта поминальная служба слишком сильно напоминала ему все остальные похороны, на которых он побывал за свою долгую жизнь, и это ему совсем не нравилось.

Сарутоби не хотел бы ничего больше, чем просто развернуться и отправиться домой, чтобы оплакать его наедине. Черт возьми, даже работа с бумагами казалась ему куда более приятным занятием, чем это! Но он знал, что не может так поступить. Нет, он должен был выполнить свой долг. Он уже произнес свою речь, и оставалось только, чтобы люди вышли вперед и простились с усопшим.

Дождавшись окончания службы, он прошелся взглядом по присутствующим и увидел несколько примечательных людей.

Слева от него стоял Какаши; бедный мальчик уже потерял своих товарищей по команде много лет назад, а теперь, после смерти сенсея и Кушины, у него не осталось никого из близких.

Конечно, воспоминания молодого Итачи показали ему, что со временем он смирится с этим, по крайней мере, настолько, насколько это было возможно, и продолжит жить.

Что делать с ним - одно из самых трудных решений; время, проведенное Какаши в АНБУ, сформировало его и сделало тем, кем он стал. Это также сделало его одним из самых сильных шиноби Конохи.

С другой стороны, было очевидно, что это не лучшим образом сказалось на его психическом

здоровье, независимо от того, что позже он смог вытащить себя из бездны своего разума. Хирузену предстояло решить, что важнее: психическое здоровье одного из шиноби или потенциал этого шиноби как воина для их деревни.

Подумав об Итачи, мальчик - нет, юноша - стоял в первом ряду справа от него, вместе с остальными членами своего клана.

Он даже представить себе не мог, что должен был чувствовать сейчас, стоя бок о бок с членами своей семьи, которых он сам убил. И не просто убил, а убил по приказу своей деревни. Как он до сих пор мог любить Коноху, он и сам не знал. Остаться верным своему дому, который принес ему столько боли...

Он был уверен, что даже его старый сенсей, Нидайме Хокаге, который редко когда мог сказать что-то хорошее об Учихах и неоднократно предупреждал его о них, был бы впечатлен. Скорее всего, он будет немного самодоволен, зная, что его предупреждения о том, что Учиха предаст деревню, оправдались и сбылись, но все же.

При всем том, что Итачи заслуживал наконец-то покоя и мира, он не мог не радоваться тому, что ему дали второй шанс. Мало того, что у него появился еще один шанс на счастье, так еще и все его знания и воспоминания очень пригодятся в ближайшие годы. На самом деле сегодняшняя панихида уже отличалась от той, что подарил ему Итачи.

Главное отличие заключалось в том, что он не взял с собой Наруто. Зная то, что он знал сейчас, он не мог понять, о чем тот думал в прошлый раз. Зачем ему было выставить Наруто напоказ или рассказывать кому-то о своей принадлежности к джинчурики, если он знал, что люди ищут козла отпущения во времена боли и страданий? Подумать только, сколько лет лишений пришлось бы пережить мальчику только из-за глупости старика...

Может, его и не били, и не издевались над ним горожане, но быть всю жизнь обделенным вниманием и взглядами - уже само по себе плохо.

Но не в этот раз, и он в этом убедится!

Еще одним незначительным отличием стало дополнение, которое он внес в свою речь.

Одной из главных причин недовольства клана Учиха было отношение руководства деревни и поведение самих жителей по отношению к ним. Примером первого было "изгнание" их клана во внешний район, а примером второго - постоянные обвинения в том, что именно они стоят за нападением Девятихвостого Лиса. Эти обвинения в основном основывались на двух моментах: их отсутствие на передовой во время атаки и вера в то, что Шаринган может контролировать зверя.

В своей речи он открыто поблагодарил клан Учиха за то, что они защитили деревню и привели мирных жителей в убежища. Таким образом, в будущем не должно было появиться никаких слухов о том, что они якобы сделали во время нападения, потому что все уже знали.

Конечно, тем, кто решит обвинить их, этого будет недостаточно, но он не собирался доводить ситуацию до такой степени, чтобы это стало проблемой.

Естественно, это был лишь один маленький шаг. Один из многих, которые предстояло сделать.

Одним из самых важных моментов, с которым Итачи согласился, было то, что им нужно будет больше привлекать Учиху к участию в различных делах. Их имя должно быть известно не только благодаря их руководству военной полицией Конохи или их боевым способностям. Нужно было наладить связь с другими частями деревни.

Чтобы добиться этого, Итачи вскоре принесет ему список наиболее простых и доступных членов своего клана, которые также были джонинами. Затем он назначит их инструкторами для новых команд генинов, когда в Академии закончится учебный год.

Заметив, что люди начали уходить, он уже собирался развернуться и уйти сам, когда увидел бледнокожего мужчину с длинными темными волосами.

Орочимару.

Это был еще один случай, с которым он не знал, как справиться. Он любил этого человека, как своего сына, свою плоть и кровь, как и других своих учеников, но то, что ему рассказывали о его поступках и экспериментах над людьми, даже младенцами...

Он искренне хотел отдать ему должное, но не мог.

Его работа не облегчалась тем, что он был единственным, кто мог остановить его, поскольку Джирайи и Цунаде сейчас не было в деревне.

Завтра, - решил он. Завтра я первым делом решу, что с ним делать.

С этими мыслями он развернулся и стал собираться домой. Даже в такой день ему еще предстояло работать.

<http://tl.rulate.ru/book/101693/3501631>